

ГОГОЛЬ И РОССИЯ

ДАВНЕЕ (ВМЕСТО ЭПИГРАФА)

Рухнула и — бездыханна. На повороте — в кювет.
В пропасть, во мрак. Да жива ли ты? Дай ответ.
Не дает ответа. Вырваны языки ее колоколен.
Крылья обвисли. Скорбен и безглаголен
Ангел с вороньим клювом, застывший поодаль, в вереске.
Повозка и скарб драгоценный — все разлетелось вдребезги...

Гоголь, поэт и монах, разогнавший назойливых муз,
Монастыря не обретший и к жизни утративший вкус,
В бронзовом кресле сидит, не слыша московского шума,
Весь — немота и смиренность, и на челе его дума —
Грузной вороной с рисунка пером Добужинского:
Неугасим ореол наваждения сатанинского.

Чудится мне: перед креслом пылает камин,
Опустошенной душе ничего нет милее равнин,
Снегом покрытых, и бесконечной дороги...
Слышу, как полночь кукует... Кончено: смерть на пороге.
Вижу, как он превращает, обряд совершая таинственный,
В пепел свой горестный свиток, и вспышки, как отсветы истины —

Той, что, измаяв дотла, наложила запрет
На преломленье в словах — его оживляет портрет
В черном металле. И — Боже мой! — как неуместны
Речи, москвичка, твои! как неколебимо отвесны!
Век наш, должно быть, объят мороком летаргическим,
Что не развеять никак тонким свечам литургическим...

Борис Елизарович Лихтенфельд родился в 1950 году в Ленинграде. Окончил ЛЭИС им. Бонч-Бруевича. Публиковался в самиздате (журналы «Часы», «Обводный канал», «Транспонанс»), в журналах «Звезда», «Нева», «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Слово/Word», «Плавающий мост», «Семь искусств», в венском славистическом альманахе «Гумилевские чтения» (1982), в антологиях «Лучшие стихи 2010 года», «Лучшие стихи 2012 года. Собрание сочинений» (т. 4). Автор книг «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (серия «Поэтическая лестница». СПб.: Изд-во Виктора Немтинова, 2000), «Метазой» («Юолукка», 2011). Живет в Санкт-Петербурге.

Вот, — указывает москвичка мне, — тот особняк,
Где умирал он для мира, где дух его мощный иссяк...
Век наш, должно быть, взлелеян неистовым Виссарионом.
Впрочем, и тот уж с небес оком глядит умудренным
На миргородскую новь окаянно-печальную,
В тройке крылатой узнав Троицу Живоначальную.

Чудится мне: перед бронзовым креслом черта,
Что преступить он собрался, или, вернее, врата
В образе прежнем — камина, что вот уж не жар излучает —
Холод могильный, и кто-то оттуда встречает
Душу его полегчавшую, тень, мимо нас шелестящую,
К новой отчизне дорогу молитвой о бывшей мостящую...

ДВА СЮЖЕТА

Поляки ли — подручные Европы —
Московию ослабить норовят,
или грозят Египту эфиопы,
но Радамес идет наперехват —

не впустят католическую ересь
в Святую Русь лихие козаки,
и жениха ревнивая Амнерис
погубит, изнывая от тоски.

Андрей, влюбленный в дочку воеводы,
блокадницу от голода спасет.
Навстречу смерти под глухие своды
любовь свою Аида пронесет.

Тарас неколебим. Воздеты длани
жрецов Изиды: приговор суров.
Изменники не ищут оправданий,
но жалость наша всем дает покров!

В НАЗИДАНИЕ ЮНОШЕСТВУ

И куда ж привело майора его несусветное горе?
Прошмыгнула утрата злосчастная между колоннами.
Он — за нею. И вот уж в Казанском соборе
отвлекает ее от усердной молитвы с поклонами.
Как же можно? Оно, конечно, тогда новодел
и к тому же базилику напоминает римскую.
Разговор хоть и с важной персоной, но как бы, взвинтятся, не задел
чьи-то тонкие чувства, настроенные на Херувимскую!

Ну а если вспомнить, что здесь покоится русская слава, то совсем уж нехорошо... Впрочем, фабуле перенос места действия не помешает: состав словесного сплава допускает любую замену — как и этот сон, этот нос, что в музее недавнем вполне бы мог в экспозиции получить эксклюзивную роль, а она бы его страховала от кошмаров пыточной камеры инквизиции (по соседству уместен отдел скоморошества и карнавала). Заспиртованный в колбе или просто муляж, хорошо бы смотрелся объект этот амбивалентный, то плюмажем красуясь, то — что за пошлая блажь! — незаслуженной орденской лентой.

ЗАТВОРНИЦА

И куда ж, Брадобрей, ты окно прорубал,
подчинив чернь и свиту своей паранойе?
Продолжается твой ассамблеющий бал:
пляшут красная свитка и рыло свиное.

Враг из малой России в столицу большой
(чересчур!) отнесет и назад столь же швыдко,
но не сладит с трофейною русской душой —
что ей рыло свиное и красная свитка?

Вырывается из отвратительных рук,
вновь забила в закут — и на черта окно ей!
Отдышалась едва, огляделась вокруг:
те же красная свитка и рыло свиное!

Ей вселенская ярмарка хуже ярма,
благоворен затвор — никакого убытка!
Без пустошных обид, без хлопот задарма,
даром — рыло свиное и красная свитка!

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ДИАГНОЗ

Взять наших классиков — сплошь русофобская круть!
(Или консилиум возле постели больного?):
и Карамзин ведь... и гОгОль (очки дальнозоркие) —
вот: «когда черт и москаль украдут что-нибудь,
то поминай как и звали...» Наверное, снова
проворовались — давно Щедриным эта оргия
объяснена... Не успеешь и глазом моргнуть,
как, уловив надлежащий настрой с полуслова,
ринутся в бой кавалеры Святого Георгия!

«ИГРОКИ»

Трагедия нашей жизни со всех сторон
и снизу доверху... *Этак Россия вся
должна застрелиться!..* Но снова, казну трясая,
крапленные лица тасует наш лохотрон...
Несчастливая жертва с рванувшей ва-банк душой
и шулер-бенефициант готовы к большой
игре под призывно-призрачный звон монет.
В ней — высшие тайны, а лицепрятья нет.
Бродячая труппа. Какие-то векселя.
Фиаско. Простор отчаянью и тоске...
*Такая уж надувательская земля —
египет финансовых пирамид на песке!*

ГИПОТЕЗА ЗЕМЛЯНИКИ

Вероятно, Россия хочет вести войну,
а начальство хочет узнать, нет ли где измены.
У кого не найдется грешок, чтоб вменить в вину
да к стене припереть: не шпион ли иноплеменный?
Не отстанут инкогнито эти, хоть бей себя в грудь,
хоть к монаршим стопам припадай: «Ох, попутала нечисть!»
«На врага работаешь», — скажут и чем найдут припугнуть.
(Самого бы автора, кстати, за такую комедию в Нерчинск!)

БРАНЬ ГОРОДНИЧЕГО

«у! щелкоперы! либералы проклятые! чертово семя!» —
не затихают раскаты обиды, поднесь рассыпаются всеми
так и не сбывшимися мечтами... Не удалось
жизнь обустроить, как было обещано... Горечь и злость
выхода требуют, а если нет выхода — взрыва...
Стоит зажмуриться: тройка летит в никуда, златогрива,
по бездорожью российскому, искрами из-под копыт
бисер заоблачный мечет, злосчастную землю кропит...

ЧИЧИКОВ

Приятный наклон головы
дает направление мыслям
не слишком приятным, увы:
что время уходит и мы с ним,

что вот уже в зеркало глянь —
и в просверке грустной догадки,
сам, дрянью наполненный всклянью,
увидишь, какой же стал гадкий...
Вон рожа кривая, а вон
России дальнейшие виды,
но это — лишь призрачный фон,
и нет на удел свой обиды.
Герой только руки потрет
и жизнь подытожит на пальцах,
чтоб, как записной патриот,
сидеть на своих капиталцах.
Все сбудется, как предрекал
измученный автор — недаром
наставил повсюду зеркал
в поддержку слабеющим чарам.
В его галерее тоски
мы, как в лабиринте, застряли —
и смотрят на нас двойники,
как мертвые души в астрале.

КАПИТАН КОПЕЙКИН

Шехерезада и Семирамида,
чертоги пышные на берегах Невы,
зачем вы русского пленили инвалида?
в леса рязанские зачем загнали вы?
чтобы прекрасного урод не портил вида?
чтобы надежд напрасных не питал?
Бережь Копейкина — он был отважный воин —
твой долг, Империя! — чтоб не нанес пробоин
тебе ж! иль твой расходный капитал
и отблеска твоей победы недостойн?

РУССКАЯ АПОФАТИКА

Насмешка над человеком — над воплощенной ложью,
над уплощенным, пошлым его мирком,
над чертиком в бричке, катящейся по бездорожью,
и над собой, конечно, — чтоб каждому, умер в ком
божественный дух, достался во славу Божью
из будничной грязи слепленный на смех ком...

Выйти из-за кулис — как выйти из всех приличий:
от вкрадчивых искушений, допустим, шмыгнуть в окно.
Любовь и страшит, и тешит, язык обретая птичий:
наши-то смыслы, кажется, стерлись давным-давно.

Перед вторым пришествием немеет и городничий...
В общем, кому-то страшно, а кому-то смешно.

В сущности, страх и смех — соперники-единоборцы:
разнообразных приемов у каждого свой арсенал.
У каждого свой оскал, а в игре искаженных пропорций
глаза велики у первого, второй же мал, да удал.
Славно у нас расцвел экстремальный спорт сей!
Наш самый страшный писатель умел смешить наповал!

Этот космический смех, как подвиг юродства, горек,
а зрителю подавай побольше пустых потех.
На то и актер сгодится — Прохоров алкоголик.
Один только автор хмур, несмотря на шумный успех:
скорей бы уж за границу!.. А царь смеется до коллик:
всем, говорит, досталось, а мне, говорит, больше всех! —

подарок вручает, помимо двух с половиной тысяч...
А что же Россия? Генералиссимуса вдова
снова сама себя умудрилась высечь.
Общественные пороки сложены, как дрова,
но искорки добродетели не удаётся высечь.
Тело дрожит от холода, а душа — как будто мертва.

Мертва для этого мира... Силы почти иссякли,
а все еще хорохорится, будто наоборот...
Не хочет сходить со сцены, старается — так ли, сяк ли —
заговорить, отвадить стоящую у ворот...
Но медленно опускается занавес в этом спектакле,
и шутнику-малороссу галушки не лезут в рот.

ПРОСТАЯ СХЕМА

Провинция, столица, заграница —
центростремительная целеустремленность.
Сознания больного искривленность
нигде побегу не дает укорениться.

Плоды блужданий бесконечных пожиная,
что толку вспоминать, куда упали зерна?
Нигде нет центра. Всюду окружная
дорога. Цель же — изначально иллюзорна.

Цель — это замысел, намеченный с порога,
разросшийся, как этот путь фантомный:
до эпопеи пусть и не дорос трехтомной —
впрок перепахана колесами дорога.

...Был этот селезень измлада непоседлив,
невьездному Пушкину — антоним,
и на вопрос его «Куда ж нам плыть?», помедлив,
ответил косвенно, что все равно потонем

в безбрежной хляби пошлости житейской.
Чем гуще околесица, тем краше
размытые черты России грустной нашей —
и нет ущерба ей от клеветы злодейской!

ГЛЯДЯ ИЗ РИМА

Невзлюбил, похоже, гранитные берега,
не влекли под веслом шуршащие камыши...
Но Италия столь была ему дорога,
что уже называл ее родиною души.
Словно в грезы юности путник из снежных стран
вновь забрел — и воочью предстала как рай земной,
где веснует любовь роскошная и зимой,
а на каждом углу — духовных яств ресторан.

Отогрелся синьор Никола, воспрял, расцвел,
у княгини Волконской на вилле — желанный гость:
волновал, вероятно, обоих Святой Престол,
кардиналов пурпурных манила спелая гроздь...
Что ж, по вкусу пришлись плоды с обеих ветвей:
слушал мессу в соборе Петра как большой концерт,
а вдали, впереди аскетический ждал десерт —
мудрость оптинских старцев, суровый отец Матвей.

Тут уж не до потех. Карнавал фантомов изжит.
Проступила реальность, потребовав новых средств.
Недовольна публика, возмущена, визжит —
не насытилась, что ли, картинами непотребств?
Есть простые рецепты: исполнить смиренно долг
перед родиной нашей небесной, на внятный зов
устремить к ней сердце, в общем, начать с азов, —
назидал и вдруг, в ожидании чуда, смолк...

Лик России чар колдовских еще не терял:
в червоточинах весь, чертовщина сплошь, но живой.
Коли строишь из грез, не пенять же на матерьял,
превращающий нежную боль в носорожий вой!
До театра абсурда отсюда рукой подать.
В декларациях, как в декорациях — гниль прорех...
Духовидцы учат, что воображенье — грех,
и срывают маски, чтоб излилась благодать.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

России ужасы и страхи
египетской мучительнее тьмы.
Из той смирительной, смертельной той рубахи,
как из шинели, вышли мы.

Не вышли — вырвались и, разорвав, латаем,
пытаемся соединить
в сознании больном Испанию с Китаем,
но смысловую все теряем нить.

Чураясь европейского разброда,
все переписываем наставленья те:
что благородна русская порода —
Бог видит! — даже и в плуте,

что, раздуваясь от гордыни, глухи
к души чувствительным струнам,
что от заслуженной публичной оплеухи,
быть может, польза будет нам,

что просвещеньем изгнанная злоба
вновь проникает в мир дорогою ума,
как сквозь протертости худого гардероба
неотразимая зима,

что испытания нам были лучшей школой —
то Апокалипсис у нас, то Домострой, —
изнурены не то хандрой тяжелой,
не то какой-то мартобрей.

Всё растолковано любимым обскурантом,
все ампула — у нас внутри:
великий инквизитор и тиран там,
еретики и бунтари...

А почерк уж не тот, и нюх собачий,
похоже, притупился... Что-то там
не так... Неужто дух, томимый сверхзадачей,
не исцелить Святым Местам?

На голову не надо только капать
водой холодной! Такая жуть кругом,
что и расхлябанный, невинный русский лапоть
испанским пахнет сапогом!

Так нам и жить, Акакию акафист
многострадальному так нам и петь в плену
у гоголевской матрицы, покамест
земля не сядет на луну!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Облитые горячими слезами,
уже огнем охвачены тетради.
Весь растворен в молитвенном бальзаме,
сгорает сам художник Бога ради.
Скиталец, сумасброд, самосожженец —
каких он не выкидывал коленец,
пока Москва — холодная могила —
дух беспокойный не угомонила.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Ничего, увы, никем не понято:
вывернуты даром потроха
неисповедимого инкогнито...
О, как ночь московская тиха!
Небо — как земля. Пора бы месяцу
выйти сеять звездную пыльцу...
«Лестницу, подай скорее лестницу!» —
и Господь подал, как праотцу...

В ЗАГРОБНОМ ВЕЛИЧИИ

Что немцу мистика, то русскому проект
внедренья истины во все слои, во всякий
сегмент общественный... Ворчат славянофилы,
во гневе западники — для обеих сект
непостижим, как Вий или Акакий
Акакиевич, вставший из могилы.

Открылось: вот от всех напастей щит! —
и, очарован властью Фомой Кемпийским,
в монастыре души оцепенел до смерти,
чтоб сон свой вечный, чуть Россия затрещит,
прервать, когда Фома Фомич Опискин
в мир явится — и врассыпную черти.

Осмеянный насмешник от стыда ль
в гробу перевернется, компромисс ли
найдут когда-нибудь шлафрок и власяница —
все ж легкомысленный писатель зорко вдаль
глядел, зернистые разбрасывая мысли:
собрать их в кучу — все и объяснится!

ТАКАЯ ОПТИКА

Чем для него была Россия? Призмой
хрустальной, сквозь которую душа
ловила проблеск истины капризной,
миазмами реальности дыша.
Мгла уплотнялась, но так резво *нечто*
играло перед взором, так влекло,
что вожденный проблеск бесконечно
магическое множило стекло.
То юной ведьмой, то безумным персом —
то перед зоной фокуса, то за —
как будто сам размытый универсум
живые встречу выпучивал глаза.